

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-7-447-456

Дата принятия рукописи в печать: 03.08.2026 г.

ИСКАНДАРОВА Камилла Ураловна,

аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

e-mail: kami.iskandarova@mail.ru

**СООТНОШЕНИЕ СВОБОДНОЙ И ФОРМАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В
АРБИТРАЖНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: РАЗНИЦА ПОДХОДОВ (НА ОСНОВЕ
АНАЛИЗА СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)**

Аннотация. В статье исследуется проблема соотношения свободной и формальной оценки доказательств в арбитражном и гражданском процессе России. На основе анализа исторического развития доказательственного права, действующего процессуального законодательства и судебной практики выявляются различия в подходах к оценке доказательств в двух процессуальных формах. Рассматриваются формальные элементы современного цивилистического процесса: правила допустимости, институт преюдиции, требования к форме сделок. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации на оценку электронных доказательств, а также роли стандартов доказывания (баланс вероятностей, разумная степень достоверности) как связующего звена между свободой усмотрения и формальными требованиями. Обосновывается вывод о необходимости нормативного закрепления стандартов доказывания в процессуальном законодательстве для обеспечения единообразия судебной практики и баланса между формальной определенностью и судебским усмотрением.

Ключевые слова: свободная оценка доказательств, формальная оценка доказательств, арбитражный процесс, гражданский процесс, допустимость доказательств, преюдиция, стандарты доказывания, баланс вероятностей, электронные доказательства, судебная практика.

ISKANDAROVA Kamilla Uralovna,

Postgraduate student of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow
State Law University (MSAL)

**THE RATIO OF FREE AND FORMAL EVALUATION OF EVIDENCE IN ARBITRATION AND
CIVIL PROCEEDINGS: THE DIFFERENCE IN APPROACHES (BASED ON THE ANALYSIS OF
JUDICIAL PRACTICE)**

Annotation. The article examines the problem of the ratio of free and formal assessment of evidence in the arbitration and civil proceedings of Russia. Based on an analysis of the historical development of evidence law, current procedural legislation and judicial practice, differences in approaches to assessing evidence in two procedural forms are revealed. The formal elements of the modern civil process are considered: the rules of admissibility, the institution of prejudice, requirements for the form of transactions. Particular attention is paid to the impact of digitalization on the evaluation of electronic evidence, as well as the role of evidentiary standards (balance of probabilities, reasonable degree of certainty) as a link between discretion and formal requirements. The conclusion is justified on the need for normative consolidation of standards of evidence in procedural legislation to ensure uniformity of judicial practice and a balance between formal certainty and judicial discretion.

Key words: free evaluation of evidence, formal evaluation of evidence, arbitration process, civil process, admissibility of evidence, prejudice, standards of proof, balance of probabilities, electronic evidence, jurisprudence.

В юридической науке до сих пор отсутствует единая концепция оптимального баланса между свободной и формальной оценкой доказательств. Вся история развития доказательственного права демонстрирует непрерывную борьбу между формализмом и свободой. Как справедливо отмечает И.В. Решетникова, «доказательственное право представляет собой наиболее чуткий барометр, отражающий тип процесса (следственный или состязательный) и господствующую в обществе идеологию» [23]. В эпоху абсолютизма доминировала строго формализованная иерархия доказательств, что ограничивало судебский произвол, но одновременно затрудняло поиск истины. В XIX–XX вв. под влиянием либеральных идей возобладали свободная оценка. Однако в современном праве вновь усиливаются отдельные формальные элементы, прежде всего правила о допустимости доказательств, что с особой отчетливостью проявляется при сравнительном анализе арбитражного и гражданского процессов.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, несмотря на объединение высших судебных инстанций, в арбитражном и гражданском процессе сохраняются различные подходы к регламентации доказывания. Во-вторых, цифровизация судопроизводства ставит новые вопросы о форме доказательств и их оценке. В-третьих, судебная практика демонстрирует устойчивые коллизии между свободой судебного усмотрения и императивными правилами допустимости.

Свободная оценка доказательств представляет собой фундаментальный принцип современного судопроизводства, закрепленный как в арбитражном, так и в гражданском процессе. Согласно статье 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [1], арбитражный суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств; при этом никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Аналогичное положение содержит статья 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2], предписывающая суду оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению и также устанавливающая, что никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы. Свободная оценка доказательств предполагает отсутствие заранее установленной силы доказательств и возможность суда определять их достоверность и

достаточность на основе внутреннего убеждения, которое не является произвольным усмотрением, а должно быть мотивировано и основано на совокупной оценке всех материалов дела.

Однако принцип свободной оценки не существовал в правовом поле изначально. В средневековой Европе и в России (вплоть до судебной реформы 1864 года) безраздельно господствовала теория формальных доказательств. Согласно ей, все доказательства выстраивались в жесткую иерархическую последовательность. Вершину этой иерархии занимало собственное признание обвиняемого — оно считалось наилучшим доказательством. Следующую ступень отводили письменным актам и документам. Что же касается свидетельских показаний, то их сила определялась не содержанием, а социальным положением свидетеля: чем выше был статус, тем большую ценность придавали его словам [18]. Принятые в 1864 году Судебные уставы [26] ознаменовали переход к свободной оценке доказательств, где главным становилось внутреннее убеждение судьи. Это был действительно революционный шаг. В советское время принцип свободной оценки не отменили, но добавили к нему существенную черту: активную роль суда в собирании доказательств, что делало процесс похожим на инквизиционную модель. На современном этапе провозглашён возврат к состязательности. Однако парадокс в том, что именно состязательность породила новый формализм — теперь судам приходится жестко ограничивать стороны и не допускать злоупотреблений.

Само же обращение судов к формальным критериям в условиях состязательного процесса объясняется объективной необходимостью: так обеспечивается достоверность устанавливаемых фактов. Состязательная модель, предполагающая активность сторон в доказывании, неизбежно порождает риск представления суду субъективно окрашенной, неполной или искаженной информации, поскольку процессуальные оппоненты преследуют собственные материально-правовые интересы. В этой ситуации перед судом возникает задача минимизации субъективного фактора при исследовании доказательственного материала. Формальные правила — допустимость средств доказывания, требования к письменной форме, преюдициальная сила судебных актов — выступают инструментом такой минимизации. Они не подменяют внутреннее убеждение судьи как конечный результат оценки, но создают объективированные предпосылки для его формирования, задавая нормативные границы, в которых доказательства могут быть признаны достоверными и проверяемыми.

Формальная оценка доказательств в ее классическом понимании предполагает наличие заранее установленной законом иерархии доказательств, при которой сила каждого доказательства определена нормативно, а не зависит от усмотрения судьи. В современном российском процессе полная формальная оценка отсутствует, однако отдельные ее элементы сохраняются и даже усиливаются. В.В. Молчанов, исследуя исторические аспекты данной проблемы, обращается к понятию «предустановленных доказательств», введенному английским философом И. Бентамом, который видел в них «одно из великих преимуществ цивилизации над варварством», поскольку у народа цивилизованного «все может сохраняться, поскольку все может быть записано» [22]. И. Бентам обосновывал полезность предустановленных доказательств тем, что они обладают «противотяжебной» силой, поддерживая права без расходов и процессов, а для суда дают «полную гарантию решений и быстрое и верное ведение дела вместо неуверенности и деятельности на ощупь» [16]. Русские процессуалисты качеством предустановленных наделяли прежде всего акты органов публичной власти и акты, совершаемые под ее контролем, поскольку они принимаются для удостоверения наиболее важных событий. Это является проявлением верховенства власти и гарантией защиты интересов граждан.

В современном цивилистическом процессе формальные элементы проявляются в нескольких аспектах: во-первых, это правила допустимости, устанавливающие императивные требования к форме доказательств; во-вторых, институт преюдиции, который обязывает суд принимать без проверки факты, установленные вступившим в законную силу судебным актом; в-третьих, правила о распределении бремени доказывания, которые в ряде случаев носят императивный характер; в-четвертых, формальные требования к отдельным видам доказательств (нотариальное удостоверение, простая письменная форма). Рассмотрим каждый из этих элементов подробнее.

К числу формальных элементов современного процесса относят прежде всего правила допустимости доказательств. Согласно статье 68 АПК РФ, обстоятельства дела, которые, согласно закону, должны быть подтверждены определенными доказательствами, не могут подтверждаться в арбитражном суде иными доказательствами. Статья 60 ГПК РФ содержит аналогичное предписание. Допустимость доказательств представляет собой наиболее яркое проявление формальных начал в современном доказывании, поскольку закон в ряде случаев императивно предписывает, какими средствами

доказывания могут устанавливаться те или иные обстоятельства, и суд не вправе отступить от этого предписания, даже если, по внутреннему убеждению, считает иные доказательства достоверными [14].

Примером правил допустимости доказательств служит положение, закрепленное в ст. 162 Гражданского кодекса РФ. В соответствии с данной нормой, если простая письменная форма сделки не была соблюдена, участники правоотношения при возникновении спора утрачивают возможность подтверждать факт совершения сделки и ее условия посредством свидетельских показаний. Вместе с тем законодатель не ограничивает их право апеллировать к письменным либо иным видам доказательств. Целесообразность такого подхода обусловлена необходимостью минимизировать риски злоупотреблений и исключить возможность фальсификации доказательственной базы, поскольку подлинность документов и иных материальных носителей информации верифицируется значительно проще по сравнению с устными свидетельствами очевидцев.

При детальном рассмотрении правоприменительной практики по указанной статье также обнаруживается существенный аспект: понятие свидетеля в процессуальном смысле не тождественно данному термину в его гносеологическом (познавательном) значении. В первом случае речь идет о лице, официально приглашенном в суд для дачи показаний, предупрежденном об уголовной ответственности за сообщение заведомо недостоверных сведений. Во втором — подразумевается непосредственный наблюдатель события (действия), обладающий информацией о нем вне зависимости от его процессуального статуса. Представляется, что ст. 162 ГК РФ вводит безусловный запрет на использование показаний именно такого очевидца, вне зависимости от того, какое процессуальное положение ему отведено в рамках конкретного судебного разбирательства.

В качестве следующего примера формально-юридических требований, регламентирующих процесс доказывания, целесообразно рассмотреть правила преюдиции. Как предписывают положения ч. 2 ст. 69 АПК РФ и ч. 2 ст. 61 ГПК РФ, факты и обстоятельства, которые уже были установлены вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда (суда общей юрисдикции) в рамках ранее разрешенного дела, не подлежат повторному доказыванию при рассмотрении арбитражным судом (судом) иного спора, при условии, что состав участвующих в деле лиц идентичен.

По своей правовой природе преюдиция

является воплощением формальной истины, имеющей приоритетное значение для правоприменителя вне зависимости от его субъективных убеждений. Иными словами, суд, рассматривающий дело, не волен пересматривать или подвергать сомнению выводы, уже сделанные другим судом, даже при возникновении обоснованных сомнений в их истинности [25]. Подобное ограничение представляет собой очередной образец формального подхода, который намеренно сужает границы судейского усмотрения и сферы свободной оценки доказательств, подчиняя их авторитету ранее состоявшегося судебного решения.

Ещё одним примером императивных предписаний, регламентирующих допустимость доказательств, выступает норма, зафиксированная в п. 11 ст. 12 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [3]. Данное положение устанавливает, что итоги независимой технической экспертизы, проведённой по инициативе потерпевшего в индивидуальном порядке, не могут служить основанием для определения объёма страховой выплаты в ситуации, когда транспортное средство не было предоставлено для осмотра страховщику.

Пределы дискреционных полномочий суда в ходе оценки доказательственной базы очерчены нормами процессуального законодательства. Возьмём, к примеру, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 октября 2023 г. № 11-КГ23-15-К6. В нём подчёркивается: суд оценивает доказательства — причём в их совокупности — исходя из собственного внутреннего убеждения. Однако это вовсе не означает, что такая оценка может быть произвольной или идти вразрез с законом [11]. Примерно так же рассуждает и Н.А. Абрамова, и её позиция вполне обоснованна. Она говорит: да, судья не связан чьими-то указаниями или чужим мнением, но законодатель с помощью правовых норм всё равно очерчивает вполне конкретные рамки. Именно внутри этих рамок и действует механизм свободной оценки, основанный на внутреннем убеждении. Наглядная иллюстрация — часть 4 статьи 170 АПК РФ. Там предписано: в мотивировочной части судебного акта нужно перечислить все доказательства, которые подтверждают выводы суда по существу спора, и подробно объяснить, почему принято именно такое решение [15]. Кроме того, суд обязан указать, по каким мотивам он отклонил другие доказательства, и сослаться на нормативные акты, ставшие правовым основанием для разрешения дела.

Важно подчеркнуть, что оценка

доказательств включает четыре последовательных этапа: оценку относимости, допустимости, достоверности каждого доказательства и оценку достаточности их совокупности. Оценка относимости и допустимости осуществляется на всем протяжении процесса, начиная с момента принятия искового заявления, когда судья проверяет, относятся ли представленные документы к делу и допустимы ли они. Оценка достоверности и достаточности осуществляется в процессе исследования и завершается в совещательной комнате при вынесении решения.

Анализ арбитражной практики показывает, что при проверке судебных актов нижестоящих судов особое внимание уделяется соблюдению правил оценки доказательств. Так, в определении Верховного Суда РФ от 13.06.2017 № 300-КГ17-6310 по делу № СИП-591/2016 суд указал, что доказательства были оценены судом в соответствии с требованиями статей 65, 67, 68, 71 АПК РФ [8]. В определении от 10.04.2017 № 304-ЭС17-2410 по делу № А45-2203/2016 суд отметил, что, исследовав и оценив представленные доказательства в соответствии с правилами статей 67, 68, 71 АПК РФ, судебные инстанции пришли к обоснованному выводу о соответствии оспариваемого постановления действующему законодательству [7].

Сравнительный анализ АПК РФ и ГПК РФ позволяет выявить ряд существенных различий в регламентации оценки доказательств. Более детальные правила оценки доказательств закреплены в Арбитражном процессуальном кодексе. Статья 71 АПК РФ разбита на семь частей, и каждая из них регулирует отдельные вопросы. Примечательно специальное указание: факт, подтверждаемый исключительно копией документа, не может считаться доказанным, если имеют место определённые условия. В Гражданском процессуальном кодексе также присутствуют подробные нормы, однако их структура выглядит иначе. В статье 67 ГПК РФ часть 5 обязывает суд при оценке документов удостовериться, что документ исходит от надлежащего органа и что все реквизиты на месте. Часть 6 предписывает применительно к копиям оценивать способ копирования и сохранность самой копии. Часть 7, в свою очередь, содержит правило, аналогичное арбитражному: только на основании копии документа нельзя признать обстоятельства доказанными.

Разница между двумя процессами прослеживается и в том, как исследуются доказательства. В арбитражном процессе допускается аудиозапись при ведении протокола — это позволяет зафиксировать процедуру исследования и служит дополнительной гарантией

того, что оценка доказательств будет проведена в полном объёме. В гражданском процессе аудиопротоколирование стало обязательным лишь с 2019 года, и практика его применения до сих пор не единообразна. Кроме того, АПК РФ допускает возможность представления письменных показаний свидетелей (часть 3 статьи 88 АПК РФ), если это не противоречит закону или договору. ГПК РФ такой возможности не предусматривает — свидетельские показания в гражданском процессе могут быть получены только путем устного допроса в судебном заседании.

Письменные показания свидетеля, представленные в арбитражный процесс, по сути, являются свидетельскими показаниями, облеченными в письменную форму, и должны подчиняться тем же ограничениям, что и устные показания.

В настоящее время особую значимость в судопроизводстве обретает вопрос оценки доказательств, представленных в электронной форме. Арбитражный процесс в этом отношении демонстрирует восприимчивость к современным технологиям: ст. 75 АПК РФ, регламентируя порядок обращения с письменными доказательствами, допускает приобщение к материалам дела документов, полученных с использованием факсимильной связи, электронных каналов коммуникации, а также посредством сети «Интернет». Как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [6], в качестве допустимых доказательств могут фигурировать изготовленные участниками процесса распечатки интернет-страниц (скриншоты). Для признания их таковыми необходимо соблюдение ряда условий: распечатка должна быть заверена подписью соответствующего лица, участвующего в деле, содержать точное указание адреса веб-страницы, с которой производилось копирование, а также фиксацию даты и времени получения данных материалов. Приведённые разъяснения высшей судебной инстанции детализируют порядок легитимации электронных доказательств, подчёркивая значимость их надлежащего заверения для придания им юридической силы.

При этом отсутствие нотариального заверения скриншота само по себе не является основанием для признания его недопустимым доказательством, если он представлен в порядке части 2 статьи 71 ГПК РФ или статьи 75 АПК РФ. В гражданском процессе с 1 января 2017 года в часть 1 статьи 71 ГПК РФ внесены изменения, допустившие в качестве письменного доказательства информацию,

полученную с использованием сети Интернет. Однако, кроме этого, общего дозволения на уровне процессуального закона, никаких иных правил, касающихся допустимых в суде форм соответствующих сведений, не содержится. На практике это приводит к тому, что суды общей юрисдикции зачастую требуют нотариального удостоверения скриншотов, в то время как арбитражные суды (постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.07.2023 № Ф04-1804/2023 [13]) более последовательны в этом вопросе [19].

Например, в одном из дел Коптевский районный суд г. Москвы и Московский городской суд отказали в иске, мотивируя это тем, что представленные скриншоты переписки не заверены нотариально и потому являются недостоверными доказательствами. Лишь Верховный Суд РФ в определении от 07.02.2023 № 5-КГ22-144-К2 суд указал, что «отсутствие нотариального заверения скриншота страницы сайта не является безусловным основанием для признания его недопустимым доказательством, если достоверность содержащейся на нем информации может быть проверена иными способами, например, путем допроса свидетеля или назначения экспертизы» [10].

Обнаруженные различия в подходе к оценке электронных доказательств имеют под собой более глубокую теоретическую основу, нежели просто разница в процессуальной регламентации. Наряду с классическими формальными институтами (допустимость, преюдиция), в современной судебной практике все большее значение приобретают стандарты доказывания. Как отмечает А.О. Машовец, их появление знаменует «своеобразное возрождение (теперь уже на строго научной основе) теории формальных доказательств», но в ином качестве. Речь идет не о заранее установленной силе доказательств, а о дифференциации степеней убежденности судьи, необходимых для принятия различных процессуальных решений» [21].

Стоит отметить, что отечественное законодательство не содержит понятия стандарта доказывания ни в материальном, ни в процессуальном праве. В юридической доктрине понятие стандартов доказывания раскрывается через призму пороговых значений убежденности правоприменителя. Так, С.Л. Будылин характеризует указанный феномен как мерило, посредством которого в рамках судебного разбирательства разрешается вопрос о подтвержденности или неподтвержденности существования того или иного обстоятельства [17]. В свою очередь, председатель Арбитражного Суда Уральского округа И.В. Решетникова,

выступая на Общероссийском Совещании судей, акцентировала внимание на том, что под стандартом доказывания следует понимать необходимый уровень уверенности судьи в установленности всех значимых для дела обстоятельств, при достижении которого становится возможным постановление законного и обоснованного судебного акта [20].

В отличие от уголовного процесса, где действует наиболее жесткий стандарт «вне разумных сомнений», гражданский процесс тяготеет к стандарту «баланс вероятностей» [27]. Данный стандарт подразумевает, что суд признает факт установленным, если его существование представляется более вероятным, чем несуществование. Суд по интеллектуальным правам, например, прямо указывал на недопустимость применения в исковом производстве уголовно-правового стандарта «вне разумных сомнений», подчеркивая необходимость руководствоваться именно «балансом вероятностей» [12].

Данное обстоятельство имеет фундаментальное значение для уяснения сущностных отличий между арбитражным и гражданским судопроизводством. Арбитражный процесс, будучи изначально сориентированным на разрешение конфликтов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, за исключением дел, связанных с несостоятельностью (банкротством), в полной мере руководствуется стандартом доказывания, известным как «баланс вероятностей». Именно этим обусловлена присущая ему адаптивность и сравнительно большая гибкость подхода, в том числе в части допустимости доказательств, полученных в электронном виде. Для их приобщения к делу зачастую достаточно установления относимости к предмету спора и достоверности, без излишней бюрократизации процедуры.

В противоположность этому гражданский процесс, объектом производства в котором нередко выступают личные неимущественные права и законные интересы граждан, в ряде категорий дел (например, при рассмотрении исков о компенсации морального вреда, об усыновлении (удочерении), о лишении родительских прав) имплицитно тяготеет к применению повышенного стандарта доказывания. Иными словами, от суда требуется достижение более высокой степени внутренней убежденности в достоверности тех или иных обстоятельств. Подобная необходимость, в свою очередь, влечет за собой усложнение процедурных аспектов собирания, представления и последующей оценки доказательственного материала, усиливая формализованность

процесса.

В правоприменительной практике арбитражных судов РФ также используется критерий «разумной степени достоверности». Данный стандарт доказанности преимущественно задействуется при разрешении споров о взыскании убытков, проистекающих из обязательственных отношений. В частности, в постановлении Президиума ВАС РФ от 06.09.2011 № 2929/11 по делу № А56-44387/2006 (по которому первоначальному истцу был предъявлен встречный иск о взыскании убытков с группы акционеров ЗАО «СМАРТС», причиненных наложением ареста) высшая судебная инстанция указала следующее. Отказ в удовлетворении требования о компенсации вреда, наступившего вследствие применения обеспечительных мер по необоснованному иску (в порядке ст. 98 АПК РФ), не может быть мотивирован исключительно невозможностью установления точного размера потерь с разумной степенью достоверности. При подобных обстоятельствах сумма убытков, подлежащая взысканию, исчисляется судом самостоятельно, исходя из комплексного анализа обстоятельств дела, а также руководствуясь принципами справедливости и соразмерности применяемой ответственности [9].

Таким образом, стандарты доказывания становятся тем связующим звеном, которое объясняет, почему при формально схожих принципах оценки, подходы судов в арбитражном и гражданском процессах могут различаться.

Современные исследователи фиксируют тенденцию к усилению формальных элементов в оценке доказательств. Так, И.В. Решетникова вводит понятие «состязательного формализма», под которым понимает ужесточение правил допустимости доказательств как инструмента дисциплинирования сторон в условиях высокой состязательности процесса [23].

Действительно, в условиях высокой конфликтности сторон строгий формализм может обеспечить стабильность правосудия. Например, четкое правило о том, что несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права ссылаться на свидетельские показания, позволяет избежать злоупотреблений и фальсификаций.

Однако, излишний формализм может привести к тому, что правосудие превратится в «игру в бисер», где победа будет зависеть не от действительных обстоятельств дела, а от процессуальной ловкости сторон и их представителей.

Вопрос об унификации подходов к оценке доказательств в арбитражном и гражданском процессах остается дискуссионным. С одной стороны, объединение Верховного Суда РФ

и Высшего Арбитражного Суда РФ создало предпосылки для выработки единых подходов. С другой стороны, сохраняются различия в процессуальных кодексах, которые не позволяют говорить о полной унификации. В Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ, разработанной еще в 2014 году [28], предлагалось унифицировать многие институты, включая доказательственное право, однако работа над единым кодексом до сих пор не завершена.

Полная унификация вряд ли возможна и целесообразна, поскольку специфика экономических споров требует более гибких и оперативных процедур, в то время как гражданское судопроизводство ориентировано на защиту прав граждан, что предполагает большие гарантии и, соответственно, большую формализацию.

Анализ судебной практики последних лет позволяет выявить еще одну важную тенденцию: усиление роли постановлений Пленума Верховного Суда РФ в формировании единообразных подходов к оценке доказательств. В этих постановлениях по отдельным категориям дел содержатся разъяснения о том, какие доказательства являются допустимыми, как они должны оцениваться и какие обстоятельства подлежат доказыванию.

Так, например, в постановлении Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [6] содержатся важные разъяснения о применении статьи 162 ГК РФ.

В постановлении Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [5] разъяснены вопросы доказывания убытков. Эти разъяснения, по сути, создают дополнительные формальные правила, которыми обязаны руководствоваться суды.

Проведенное исследование позволяет заключить, что баланс между свободной и формальной оценкой доказательств в российском цивилистическом процессе представляет собой динамическую величину, эволюционирующую под влиянием исторических, социальных и технологических факторов. Современный этап характеризуется синтезом фундаментального принципа свободной оценки, по внутреннему убеждению, (ст. 71 АПК РФ, ст. 67 ГПК РФ) с усиливающимися формальными элементами — правилами допустимости, институтом преюдиции и дифференцированными стандартами доказывания.

Выявленные различия между

арбитражным и гражданским процессами носят сущностный характер. Арбитражный процесс, ориентированный на экономические споры, тяготеет к гибкости и стандарту «баланса вероятностей», что проявляется в более гибком подходе к электронным доказательствам. Гражданский процесс, защищающий личные права граждан, объективно требует большей формализации и повышенных стандартов доказывания по отдельным категориям дел.

Цифровизация правосудия обнажила эти различия: арбитражные суды демонстрируют адаптивность в оценке скриншотов, тогда как суды общей юрисдикции зачастую сохраняют консервативный подход. В этих условиях ключевую унифицирующую роль выполняют постановления Пленума Верховного Суда РФ, формирующие единые стандарты оценки.

Дальнейшее развитие института оценки доказательств видится в нормативном закреплении понятия стандартов доказывания. Представляется целесообразным дополнить процессуальное законодательство положениями, устанавливающими дифференцированные стандарты доказывания в зависимости от категории спора и характера защищаемых прав, что позволит легитимировать сложившиеся правоприменительные подходы и обеспечить предсказуемость судебных актов. Именно стандарты доказывания, будучи нормативно закрепленными, способны наполнить принцип свободной оценки конкретным содержанием, гарантируя баланс между формальной определенностью и судебским усмотрением, необходимый для справедливого правосудия.

С учетом изложенного представляется обоснованным дополнить ст. 71 АПК РФ частями 8 и 9 в следующей редакции:

«8. Факт, входящий в предмет доказывания, признается установленным, если совокупность доказательств, оцененная в соответствии с настоящей статьей, позволяет суду достичь степени внутреннего убеждения, соответствующей установленному для данной категории дел стандарту доказывания.

9. Применение обычного стандарта доказывания означает, что суд признаёт факт доказанным, если его существование представляется более вероятным, чем несуществование. Применение повышенного стандарта доказывания означает, что суд признаёт факт доказанным, если его существование характеризуется высокой степенью вероятности. Если иное не предусмотрено федеральным законом, применяется обычный стандарт доказывания».

Аналогичные изменения необходимо

внести и в ст. 67 ГПК РФ.

Законодательная фиксация стандартов доказывания создаст легальный механизм балансирования между формальной определенностью и свободой усмотрения, при котором степень убежденности судьи становится проверяемой и дифференцированной в зависимости от категории спора.

Список литературы:

[1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. ст. 3012; 2025. № 51. ст. 8004.

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. ст. 4532; 2025, № 51. ст. 8004.

[3] Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 18. ст. 1720; 2025. № 6 ст. 410.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. 2015.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2016.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. 2019.

[7] Определение Верховного Суда РФ от 10 апреля 2017 г. № 304-ЭС17-2410 по делу № А45-2203/2016 Об отказе в передаче жалобы в Судебную коллегия Верховного Суда Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Определение Верховного Суда РФ от 13.06.2017 № 300-КГ17-6310 по делу N СИП-591/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[9] Постановление Верховного Арбитражного Суда от 6 сентября 2011 г. № 2929/11 по делу № А56-44387/2006// СПС «Консультант Плюс».

[10] Определение Судебной коллегии по

гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 № 5-КГ22-144-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2023 N 11-КГ23-15-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

[12] Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 21.10.2019 № С01-897/2019 по делу № СИП-250/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[13] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.07.2023 № Ф04-1804/2023 по делу № А03-18712/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[14] Абрамова А.Е. Некоторые вопросы оценки судом результатов исследований, полученных во внесудебном порядке / А. Е. Абрамова // Применение Конституции Российской Федерации в судебной деятельности: проблемы теории и практики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Кемерово, 16 ноября 2023 года – Москва: РГ-Пресс. 2024. С. 3-10.

[15] Абрамова Н.А. Судейское усмотрение и оценка доказательств, по внутреннему убеждению, в гражданском судопроизводстве / Н. А. Абрамова // Право и общество в условиях глобализации: перспективы развития: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Саратов, 12 декабря 2020 года / Под редакцией В.В. Бехер, Н.Н. Лайченковой. Том Выпуск 9. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2021. С. 112-115.

[16] Бентам И. О судебных доказательствах // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. №5 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sudebnyh-dokazatelstvah> (дата обращения: 21.02.2026).

[17] Будылин С.Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2014. № 4. С. 34–67.

[18] Журавлева Е.А. Характеристика судебных доказательств по русскому законодательству X - XV вв / Е. А. Журавлева // Право и общество. 2024. № 3(16). С. 35-40.

[19] Китаева В.Д. Процессуальные особенности исследования электронных доказательств в суде // Реформы в России и проблемы управления: Материалы 40-й Всероссийской научной конференции молодых ученых, Москва: Государственный университет управления. 2025. С. 339-342.

[20] Коробка Е. Должны ли стандарты

доказывания быть закреплены в законе? // Адвокатская газета. 2021. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/dolzhen-li-standarty-dokazyvaniya-bytzakrepleny-v-zakone/> (дата обращения: 20.02.2026).

[21] Машовец А.О. Внутреннее убеждение или стандарт доказанности? / А. О. Машовец // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1(79). С. 104-109.

[22] Молчанов В.В. Стандарты доказывания в гражданском судопроизводстве – гости нежелательные / В. В. Молчанов // Закон. 2025. № 2. С. 8-19.

[23] Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт. 2025. – 221 с.

[24] Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. Москва: Статут. 2019. – 510 с.

[25] Юдин А.В. Доказательственное значение материалов, полученных из другого гражданского дела или экономического спора, в цивилистическом процессе / А. В. Юдин // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2022. № 2. С. 51-64.

[26] Ульянова Л.Т. Эволюция института оценки доказательств, по внутреннему убеждению, в уголовном процессе России / Л.Т. Ульянова // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 1. С. 38-43.

[27] Грязева М.А. Некоторые аспекты доказывания и доказательств в спорах о защите интеллектуальных прав// Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Март. № 1 (47). С. 148-158.

[28] Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 No. 95-FZ (rev. dated 15.12.2025) (amended and supplemented, entry by virtue of 01.01.2026) //Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3012; 2025. № 51. Art. 8004.

[2] Code of Civil Procedure of the Russian Federation dated 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended 15.12.2025, with amendments dated 22.12.2025) (as amended and supplemented, entry by virtue of 01.01.2026) //Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532; 2025, № 51. Art. 8004.

[3] Federal Law of 25.04.2002 No. 40-FZ (as amended by 31.07.2025) “ On Compulsory Insurance of Civil Liability of Vehicle Owners “//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 18. Art. 1720; 2025. No. 6 Art. 410.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 “On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 8. 2015.

[5] Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2016 No. 7 (ed. 22.06.2021) “ On the application by the courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 5. 2016.

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 “On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation “//Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 7. 2019.

[7] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of April 10, 2017 No. 304-ES17-2410 in case No. A45-2203/2016 On refusal to transfer the complaint to the Judicial Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation//SPS “ConsultantPlus.”

[8] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 13.06.2017 No. 300-KG17-6310 in case No. SIP-591/2016//SPS “ConsultantPlus.”

[9] Decision of the Supreme Arbitration Court of September 6, 2011 No. 2929/11 in case No. A56-44387/2006//SPS “Consultant Plus.”

[10] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 07.02.2023 No. 5-KG22-144-K2//SPS “ConsultantPlus.”

[11] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.10.2023 No. 11-KG23-15-K6//SPS ConsultantPlus.

[12] Decision of the Presidium of the Intellectual Property Court of 21.10.2019 No. S01-897/2019 in case No. SIP-250/2017//SPS “ConsultantPlus.”

[13] Decision of the Arbitration Court of the West Siberian District of 10.07.2023 No. F04-1804/2023 in case No. A03-18712/2021//SPS “ConsultantPlus.”

[14] Abramova A.E. Some questions of the court's assessment of research results obtained out of court/A.E. Abramova//Application of the Constitution of the Russian Federation in judicial activities: problems of theory and practice: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference,

Kemerovo, November 16, 2023 - Moscow: RG-Press. 2024. S. 3-10.

[15] Abramova N.A. Judicial discretion and assessment of evidence, according to internal conviction, in civil proceedings/N.A. Abramova// Law and society in the context of globalization: development prospects: Collection of scientific works based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, Saratov, December 12, 2020/Edited by V.V. Becher, N.N. Laichenkova. Volume Issue 9. - Saratov: Saratov Source Publishing House, 2021. S. 112-115.

[16] Bentham I. On judicial evidence//Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2017. №5 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sudebnyh-dokazatelstvah> (дата обращения: 21.02.2026).

[17] Budylin S.L. Internal belief or probability balance? Standards of Evidence in Russia and Abroad//Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2014. № 4. S. 34-67.

[18] Zhuravleva E.A. Characterization of judicial evidence under Russian law X - XV centuries/ E.A. Zhuravleva//Law and society. 2024. № 3(16). S. 35-40.

[19] Kitaeva V.D. Procedural features of the study of electronic evidence in court//Reforms in Russia and management problems: Materials of the 40th All-Russian Scientific Conference of Young Scientists, Moscow: State University of Management. 2025. S. 339-342.

[20] Box E. Should standards of proof be enshrined in law ?//Advocacy newspaper. 2021. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/dolzny-li-standarty-dokazyvaniya-bytzakrepleny-v-zakone/> (дата обращения: 20.02.2026).

[21] Mashovets A.O. Internal conviction or standard of proof ?/A.O. Mashovets//Rule of law: theory and practice. 2025. № 1(79). S. 104-109.

[22] Molchanov V.V. Standards of proof in civil proceedings are undesirable guests/V.V. Molchanov// Law. 2025. № 2. S. 8-19.

[23] Reshetnikova I.V. Proving in a civil process: an educational and practical manual for universities. - 8th ed., Revised and add. - M.: Yurayt. 2025. - 221 s.

[24] Reshetnikova I.V. Reflecting on legal proceedings: Favorites. Moscow: Statute. 2019. - 510 s.

[25] Yudin A.V. Evidentiary significance of materials obtained from another civil case or economic dispute in the civil process/A.V. Yudin//Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2022. № 2. S. 51-64.

[26] Ulyanova L.T. Evolution of the Institute of Evidence Assessment, according to internal conviction, in the criminal process of Russia/L.T. Ulyanova//Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. 2015. № 1. S. 38-43.

[27] Gryazeva M.A. Some aspects of evidence and evidence in disputes over the protection of intellectual rights//Journal of the Intellectual Property Court. 2025. March. № 1 (47). S. 148-158.

[28] The concept of the Unified Civil Procedure Code of the Russian Federation (approved by the decision of the Committee on Civil, Criminal, Arbitration and Procedural Legislation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of 08.12.2014 No. 124 (1))//SPS ConsultantPlus.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru